

АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ

Нечто

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— В чём дело? — Шеф поднял голову от стола и с неудовольствием посмотрел на вошедшего. Возле дверей, красный от смущения, топтался недавно принятый сотрудник — щедедушный субъект со спутанной шевелюрой и выпученными

ЛАПТЕВ Александр Константинович (26 декабря 1960, г. Иркутск, РСФСР, СССР) — писатель. Коренной иркутянин. В 1983 окончил физический факультет Иркутского государственного университета. С 1983 по 1995 работал на Иркутском заводе радиоприёмников (с 1991 – ПО «Восток»). Работу совмещал с учёбой в аспирантуре НПО имени Коминтерна в городе Ленинграде. В 1994 защитил диссертацию кандидата технических наук. Первые литературные опыты А. Лаптева относятся к 1991, в 1993 он стал лауреатом областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». В 1994 участвовал во всероссийском совещании молодых писателей в Москве и был принят по рукописям в Союз писателей России. В 1995 состоялись первые публикации произведений А. Лаптева в журнале «Аврора» (Ленинград) — повесть «Небо над городом». В ноябре 2002 А. Лаптев принимал участие в работе четвёртого съезда писателей России, проходившего в Новосибирске. В 2005 А. Лаптев был включён в число пятидесяти ведущих фантастов России. Награды: лауреат региональной конференции Восточной Сибири «Молодость. Творчество. Современность» (1993), лауреат литературного еженедельника «Литературная Россия» (2004) за цикл автобиографических рассказов (с формулировкой «За честность в литературе и жизни и за серию талантливых рассказов»), победитель международного конкурса рассказа «Справедливый мир». 2006, Москва), лауреат премии «За гуманизм и милосердие» Общероссийского общественного движения «Россия» (2004, с формулировкой «За значительный вклад в построение социального государства в России, в решение проблем социальной сферы и вопросов социальной защиты населения, за развитие традиций и принципов милосердия, меценатства и благотворительности»). Первое место на конкурсе им. И. Варшавского «Разминка» (2009, рассказ «Приключения Ивана Ивановича»). Лауреат национальной премии имени В.Г. Распутина 2022 года за книгу «Память сердца»

глазами за толстыми стёклами мутных линз. В полуоткрытую дверь видна была часть приёмной, угол полированного письменного стола и аквариум с красными рыбками и синими водорослями, тянущимися вверх и колеблющимися от слабых волн. Вращающееся кресло стояло на обычном месте, рыжая дорожка тянулась от двери наискосок — всё было на месте. Не было только секретарши, и это казалось возмутительней всего. Шеф страсть как не любил незваных гостей. Иной зайдёт с каким-нибудь пустяком — и полчаса драгоценного времени вылетает в трубу — невосполнимые минуты, которых, если задуматься, у всех нас не так уж и много.

Шеф потёр указательным пальцем лоснящийся пористый нос и, набрав в лёгкие воздуха, произнёс обычный в таких случаях монолог:

— Вам разве не объяснили правила внутреннего распорядка? Я принимаю сотрудников по пятницам, с трёх до пяти. Потрудитесь записаться на приём у моей секретарши. Кстати, где она?

Сотрудник часто заморгал, брови его приподнялись. Последний вопрос окончательно сбил его с толку.

— Я не знаю, — чуть слышно пробормотал он. — Наверное, вышла куда-нибудь. Не может же она всё время сидеть на одном месте.

Шеф сердито засопел. Хотел сказать какую-нибудь резкость, но пересилил себя и спросил уже спокойнее:

— Ну что там у вас? Только поскорее. Завтра в десять учёный совет, а у меня ещё доклад не готов, — и он с ненавистью поглядел на ворох бумаг, в беспорядке раскиданных по столу.

— Я проводил эксперимент, и вдруг отключилось электричество, а оно осталось, и я не знал, что предпринять, пришёл к вам... доложить... — забубнил сотрудник, словно двоечник.

— Какой эксперимент, что осталось? — Шеф почувствовал, что теряет остатки терпения. — У вас там что, своего руководителя нет? Почему вы сразу бежите ко мне? Я что, по-вашему, разорваться должен? Вы хоть представляете, сколько у нас лабораторий, и сколько в них проводится экспериментов? И я, по-вашему, должен за всем этим уследить? Это теперь вас так в университетах обучают? Лично я, когда был студентом, с утра до ночи сидел в своей лаборатории и знать не знал, кто там у меня директор, и есть ли он вообще. Поставили перед тобой задачу — сиди, решай, пока не получишь положительный результат. Если бы я по всяким пустякам бегал к директору, знаете, что бы тогда было?

Молодой сотрудник поднял голову и впервые прямо посмотрел на человека, по учебникам которого он когда-то сдавал экзамены.

— Нет, я этого не знаю, — сказал он простодушно. — А что бы тогда было?

Шеф, не выдержав, отвернулся. В том-то и заковыка, что он сам не знал ответа на этот незатейливый вопрос. Ему самому было интересно, что было бы, если б в молодости он не сидел как проклятый в душной захламлённой лаборатории, а как все нормальные люди ходил на лыжах, веселился на студенческих пирушках, влочился за первокурсницами и совершал глупости. Странные непрошенные мысли всё чаще посещали его на склоне лет..

— Тогда бы я не сидел сейчас перед вами, — поставил шеф точку в этом отчасти философском диспуте.

В этот момент в дверях показалась секретарша — белокурая женщина в строгом костюме и со строгим лицом, таким лицом, какое приобретается ценой длительного сидения в приёмной высокого начальства.

— Аркадий Андреевич, я только на минутку отлучилась, и вот вам пожалуйста, — заученно затараторила секретарша. И сразу повернулась к сотруднику. — Я же вам говорила, что Аркадий Андреевич занят. Нужно сначала записаться на приём, а уж потом лезть... — Снова устремила пылающий взгляд на шефа. — Он сегодня три раза приходил, я его не пускала. Уж не знаю, как и объяснять. Вроде взрослые люди!

Молодой человек не делал попытки оправдаться. Всё стоял возле полуоткрытой двери и смотрел на шефа странно неподвижным взглядом, всё сильнее напоминая филина — такого же бестолкового и лупоглазого. Потеряв остатки терпения, шеф бросил ручку на стол и решительно поднялся. Часы показывали половину пятого, за окном начинало смеркаться. Заметив движение секретарши, остановил её жестом. В самом деле, почему бы и не прогуляться? Ведь это же вредно, целый день сидеть на одном месте. Вот и врачи советуют...

— Ладно, показывайте, где ваша лаборатория. Посмотрим, что там у вас стряслось.

Мимо молодого сотрудника, мимо не такой уж и молодой, но всё ещё привлекательной секретарши, шеф решительно вышел в приёмную. Для своих семидесяти лет он двигался довольно быстро. Никак не скажешь, что он целыми днями сидит как бирюк в своём кабинете. Активная умственная деятельность тоже что-нибудь да значит. Что бы там ни говорили.

В лаборатории было тихо и пусто.

— А вы что, дверь не замыкаете, когда уходите? — поинтересовался шеф, заходя в заставленную аппаратурой тесную комнатку. В таких комнатках он сам когда-то работал, и такие условия казались ему самыми правильными и подходящими для плодотворной научной мысли. На столах и на полу стояли полуразобранные приборы, разноцветные провода валялись где попало, раскрытые журналы, книги, стаканы с остатками чая, потемневший от времени чайник, какие-то свёртки в замасленной бумаге на грязном подоконнике — так было всегда и так было везде. И всё же шеф поморщился — за двадцать лет он сумел отвыкнуть от подобного демократизма.

Сотрудник сразу прошёл к дальнему столу и, остановившись, стал смотреть куда-то вниз. Шеф подождал секунду и решил-таки подойти. Он уже жалел, что поддался минутной слабости.

— Ну, что тут у вас? — буркнул недовольно.

— Глядите сами, — ответил сотрудник, не оборачиваясь.

Шеф пригляделся. Ничего особенного. На столе стоял силовой трансформатор, медные обмотки ограничивали сферическое пространство размером в кубический дециметр. С трёх сторон эту конструкцию окружали установки когерентного излучения, излучатели были направлены точно в центр сферы — три разноцветных луча сходились в одной точке, отчего эта точка переливалась всеми цветами радуги и словно бы искрилась невероятно красивым, волшебным светом. Шефу было не привыкать к подобным картинам, но он всё равно не удержался — кивнул мясистым подбородком и молвил:

— М-да!

Сотрудник искоса поглядел на него. Мутные глаза его словно бы прояснились, лицо приобрело хитрое, почти заговорщицкое выражение.

— Обычная интерференционная картина, не правда ли? — полуутвердительно произнёс он.

— Несомненно, — ответил шеф. Он всё ещё ничего не понимал, но уже почувствовал скрытый подвох.

— Теперь смотрите, что я сейчас сделаю! — с этими словами сотрудник быстро прошёл к автомату защиты возле входной двери и, подняв руку, крутнул один из чёрных переключателей. В ту же секунду все три лазера погасли, три разноцветных луча растворились в пустоте.

— И что дальше?

— Вы не замечаете ничего странного? — с прежней серьёзностью спросил сотрудник.

— Нет. А что я должен заметить?

— Посмотрите на фокусирующую установку. Реакция продолжается!

Несколько секунд шеф осмысливал услышанное, потом быстро повернул голову и стал смотреть на силовые обмотки, туда, в самый центр, где фокусировалась магнитная ловушка для всяческих чудес. И чудо — вот оно, прямо перед ним! Сияющая точка всё так же висит в воздухе, переливается разными красками, всё так же манит волшебством.

— Но как же? Ведь вы... — он не договорил, замер с открытым ртом. — Это что же?

— Я сам не знаю, как это произошло. Мы проводили обычный эксперимент. Задали частоту излучения, настроили магнитную ловушку, потом включили ток. Всё было как обычно. Зубрицкий записал показания в журнал, а потом сказал мне обесточить установку и ехать домой. А оно вон как вышло.

Шеф слушал вполуха. Сознание стало затуманиваться, в ушах появился знакомый шум — это поднялось кровяное давление. Оно и не мудрено. Подобных чудес он не наблюдал давно. Можно даже сказать, вообще не наблюдал. Лишь слышал о таком. А вот чтобы самому удостоиться... За всю свою жизнь...

Попахивало нобелевкой. Всемирной известностью сильно отдавало. И ещё — большим количеством денег несло со всех сторон. На старости лет...

На негнущихся ногах он зачем-то проследовал к автомату защиты и удостоверился, что рубильник точно выключен, а линия обесточена. Затем вернулся к столу и внимательно осмотрел лазерные установки — быть может, они как-нибудь продолжают работать? Это ничего, что питания нет и луча не видно. Быть может, луч сделался вдруг невидимым? Лазер — это такой хитрый предмет, а природа электромагнитных волн до конца не изучена — всякое может случиться. Но вскоре он убедился, что лазерные установки точно не работают и никаких лучей не испускают. В всякий случай поводит толстым журналом перед излучающими кристаллами, даже подставил под излучатель свою пухлую ладонь — ничего! Источники света были мертвы, а их детище, пресловутая интерференционная решётка — вот она, сияет волшебным светом и не думает угасать. «Холодная плазма, — мелькнуло у профессора в уме. — Или нет, это термоядерная реакция — реакция, полученная в лабораторных условиях!»

— Но это невозможно! — вскричал он и с надеждой посмотрел на своего спутника.

Тот вместо ответа поднял руку и молча указал на сияющую точку, висевшую в тридцати сантиметрах над поверхностью стола.

Профессор (он же шеф) набрал в грудь воздуха и крепко зажмурился, стараясь успокоиться и взять себя в руки. В молодости он занимался проблемой управляемого термоядерного синтеза, даже защитил докторскую диссертацию по этой животрепещущей теме. Кому, как не ему, знать: термоядерный синтез в лабораторных условиях невозможен. Сто миллионов градусов и давление в миллион

атмосфер — вот приблизительные параметры для возникновения спонтанной реакции. Разве можно поверить, что с помощью обычных лазерных установок и на допотопном электромагнитном улавливателе создано такое чудо? Нет, в это поверить было нельзя. Следовательно, тут что-то другое. Но что?

Профессор сделал шаг в сторону и медленно опустился на стул. Взгляд его был прикован к установке. Он всё ждал, что искорка вот-вот погаснет. Но та светила, светила и светила. И это уже вызывало тревогу. Впервые профессор столкнулся с чем-то таким, чего не понимал, даже приблизительно не мог сказать, что это такое. Он перевёл взгляд на сотрудника, и во взгляде его уже не было ни превосходства, ни раздражения. Теперь они были равны, потому что оба не знали, с чем столкнулись.

— И что вы об этом думаете, коллега? — спросил профессор уже совсем другим тоном.

Сотрудник по-прежнему казался равнодушным, взгляд его, как бы углублённый внутрь себя, скользил по предметам машинально. Кажется, не было в мире ничего такого, что могло бы его удивить или вывести из себя. Он пожал плечами и молвил ровным голосом:

— Я думаю, что это какой-то новый вид энергии. Колебания электромагнитного поля вошли в резонанс и началась спонтанная реакция.

— В какой резонанс? С чем? — удивился профессор.

— С вакуумом!

С минуту профессор давил сотрудника тяжёлым взглядом. Он не позволил себе уничижительной усмешки. Сколько он слышал сказок о вакууме. И вот опять.

— Вакуум — это ноль, понимаете? — начал он нравоучительно. — Какой может быть резонанс с тем, чего не существует?

— Мы не знаем природу вакуума. Древние учёные считали, что вакуум — это энергетическая субстанция, и даже указали частоту вибрации. Десять в семнадцатой степени.

— Вы это серьёзно?

— Ну вы же сами видите! Я сделал оценочный расчёт и обнаружил, что частота основных обертонов интерференционной решётки совпадает по кратности частоте вибрации вакуума, указанной в древних трактатах.

— Да что вы говорите? — поразился профессор. Он всё-таки не удержался от сарказма. — Вы вошли в резонанс с пустотой? Поздравляю!

— Я ничего не утверждаю, — спокойно ответил сотрудник. — Просто называю факты. Результат вы видите сами. Можете предложить своё объяснение. Я вас за этим и позвал.

Профессор поджал губы. Крыть было нечем. Какой бы безумной ни была теория этого выскочки, но она хоть как-то объясняла случившееся. У профессора вдруг разболелась голова. Всё-таки нельзя так волноваться в его возрасте. Зря он не ушёл на пенсию пять лет назад. Сидел бы теперь дома, возился с внуками, пил чай с лимоном и разводил цветы в зимнем саду. Опять же лыжи, до которых ему всю жизнь не было дела. Он тяжело вздохнул и поднялся со стула.

— Вот что. Вы тут пока ничего не трогайте и никуда не уходите. Я сейчас пойду к себе и вызову Зубрицкого.

— Я уже ему позвонил. Он будет с минуты на минуту.

— Ну... это ничего... Когда приедет, пусть поднимется ко мне. Хорошо?

— Хорошо.

— Я буду ждать.

Профессор кивнул с мрачным видом и поспешил покинуть лабораторию, словно надеялся, что за её пределами всё образуется, и ему снова станет легко и беззаботно. Это смахивало на бегство, но молодой сотрудник этого не оценил, а сам профессор никогда бы себе в этом не признался. Его ждут дела — вот и всё объяснение. Приедет Зубрицкий и во всём разберётся. Это его лаборатория. Его подчинённый. Заварили кашу, пусть сами расхлёбывают. Вот так!

Пять минут спустя шеф сидел в своём уютном кресле и прихлёбывал обжигающий чай с лимоном из высокого тонкого стакана. Стакан стоял в тяжёлом бронзовом подстаканнике; этому подстаканнику было сорок пять лет — ровно столько, сколько профессор проработал в институте информационных технологий.

Зубрицкий — заведующий лабораторией инновационных технологий — приехал раньше, чем следовало. Профессор едва успел допить свой чай и торопливо дожёвывал горькую дольку лимона — скорее по привычке, чем по необходимости. Погружённый в свои мысли, он не заметил, как перед ним появились разом две фигуры. Словно материализовались из воздуха. Стоят, молча смотрят на него, а он всё жуёт свой лимон, словно пытаясь добыть из него разгадку проблемы.

— Присаживайтесь, — произнёс профессор со вздохом. Поднялся и вышел из-за стола, обошёл вокруг и сел рядом с гостями, как бы подчёркивая необычность предстоящего разговора. Он больше не хотел быть шефом, не мог чувствовать себя начальником с людьми, от которых сам ждал помощи. Усевшись на обычный деревянный стул напротив гостей, он снова вздохнул и произнёс со значением: — Я вас слушаю, коллеги.

Коллеги молчали. Зубрицкий — пятидесятилетний статный мужчина, высокий и подтянутый, белокурый, с несколько лошадиным лицом и глазами василькового цвета, смотрел на профессора этими самыми глазами и, хотя во взоре его светился ум, ровно ничего не говорил. Заметно было, что он робел. Да и заробеешь тут, когда скоро на пенсию, а докторская степень никак не даётся. Другим даётся, а тебе никак. Странно это, несправедливо и весьма обидно. Шеф это понимал. И даже сочувствовал Зубрицкому. Поэтому заговорил первым.

— Вы были в лаборатории?

— Да, был, Аркадий Андреевич.

— Видели установку?

— Так точно.

— И что вы об этом думаете?

Зубрицкий взял себя двумя пальцами за подбородок, взгляд его затуманился, сделался мечтательным. Лицо стало глупым и доверчивым.

— Я, в общем-то, ничего не думаю, — произнёс глухо.

— Прекрасно, — неожиданно для себя обрадовался шеф и повернулся к молодому сотруднику: — Ну а вы что об этом думаете?

— Это какая-то новая форма материи. Не плазма и не электронный газ. Что-то совсем иное, чему ещё нет названия.

Профессор потёр от удовольствия руки.

— Замечательно! — произнёс он по слогам. — Открыто новое состояние материи. Пятое, если я не ошибаюсь. Твёрдое, жидкое, газообразное, плазма и — прошу любить и жаловать, примите то, не знаю, что! Так я вас понял?

— Не совсем так, — невозмутимо ответил молодой сотрудник. — Это, скорее всего, вообще что-то новое, совсем небывалое.

Профессор крикнул от удовольствия. Вот это разговор! Давненько он не слышал ничего подобного.

— Ну хорошо, — сказал примирительно, — мы не можем найти определение этому феномену. Но дело ведь не в определениях, правильно, коллеги?

— Несомненно! — Зубрицкий усиленно замотал головой.

— Я вот что хочу знать: что вы с этим собираетесь делать? — спросил профессор, вдруг придвинувшись.

Зубрицкий принагнул голову и насупил брови, взгляд его буравил пол.

— Я предлагаю прекратить эксперимент. Всё это чрезвычайно опасно.

— Возражаю, — эхом отозвался сотрудник.

Зубрицкий всем телом повернулся к нему и поглядел на него так, словно тот сказал неслыханную глупость. Сам он за всю свою жизнь ни разу не возразил своему начальнику. А этот соплик работает тут без году неделя, но уже имеет своё мнение. Да ещё в присутствии директора. Знать бы заранее, ни за что бы не взял его к себе в ученики.

— Погодите, — вмешался профессор. — Давайте по очереди. Сначала вы! — он посмотрел на Зубрицкого.

— По-моему, всё ясно. Мы наблюдаем спонтанную реакцию, природа которой нам неизвестна. По всем писанным и неписанным законам мы обязаны немедленно прервать эксперимент. Мы вторглись в глубины материи, а это, знаете ли, чревато. Вспомните, как открывали деление атомного ядра и как проводили первые исследования по ядерному синтезу. Неужели опыт ничему нас не учит?

Профессор удовлетворённо кивнул.

— Хорошо. Теперь вы.

Молодой сотрудник заговорил неожиданно резко, с напором. От его медлительности не осталось и следа.

— Если уж говорить о ядерном синтезе, то это открытие было сделано случайно — вы это прекрасно знаете. И почти все эпохальные открытия были случайными. Если бы учёные сразу прекращали наблюдения и эксперименты, то у нас не было бы теперь ни атомной энергии, ни даже электричества! Конечно, не обошлось без жертв...

— Пожалуйста, поближе к теме, — кашлянул профессор, — историю науки мы знаем.

— Это будет преступлением, если мы сейчас прервём эксперимент. Вы что, не понимаете? — вдруг вскинулся он. Глаза его заблестели, лицо сделалось красным. — Это уже не наш эксперимент! Он принадлежит всему человечеству! Мы сделали удивительное открытие, а вы хотите его утаить? Не позволю!

Профессор и заведующий лабораторией раскрыли от удивления рты и так сидели, глядя на младшего научного сотрудника. Первым опамятовался профессор.

— Голубчик, успокойтесь ради бога! Мы ведь ещё ничего не решили. Знал бы я, что вы такой горячий...

Зубрицкий несколько раз моргнул, затем перекинул ногу на ногу и возвестил:

— Если хотите знать, я уже отключил силовой трансформатор. Я действовал согласно инструкции и сделал то, что должен был сделать.

— Вы отключили трансформатор? — вскричал молодой сотрудник.

— Сняли силовую защиту? — вторил ему шеф.

— Можете убедиться сами, — отвечал хладнокровно завлаб.

Первым выскочил из кабинета младший научный сотрудник. За ним торопли-

во вышел Зубрицкий. Третьим вышел степенной походкой профессор — он же шеф. Все они двигались в одном направлении, но с разной скоростью — и это было объективным фактом в нашем мире субъективных ощущений.

Когда шеф вошёл в лабораторию, он застал там странную картину. Его подчинённые стояли по обе стороны лабораторного стола и молча смотрели в одну точку. Ещё с порога профессор увидел, что в перекрестье их взглядов сияет радужная искорка — та самая.

— Ну что же вы, — молвил он, запыхавшись, — а говорили, что отключили силовую установку.

Зубрицкий медленно поднял голову и посмотрел профессору в глаза. Губы его кривились, будто что-то не давало ему говорить. Он лишь взмахнул рукой и показал на трансформатор. Профессор проследил глазами за его рукой и всё понял. Силовая установка не работала, все индикаторы стояли на нуле, светодиоды не светились. Ему второй раз за этот вечер сделалось нехорошо. Ноги задрожали, и он осторожно опустился на уже знакомый стул.

— Как же это?

Ответом ему было молчание. Профессор вдруг, не отдавая себе отчёта, потянулся рукой к искорке, словно желая удостовериться в том, что она действительно существует и это не бред ума.

— Не делайте этого! — крикнул сотрудник и сделал шаг к профессору. Тот резко отдёрнул руку.

— В самом деле, что это я? — он глупо захихикал, тут же поперхнулся, вытащил носовой платок из кармана и стал сморкаться, а после вытирать этим же платком вспотевший лоб. — Я ничего не понимаю, — пробормотал он. — Кто-нибудь мне объяснит, что здесь происходит?

— Я думаю, что для начала нужно включить силовую установку, — сказал сотрудник бесцветным голосом. — Так спокойнее. Всё-таки, какое-никакое — магнитное поле. Да оно и по инструкции положено.

— В самом деле, — подхватил профессор, — Зубрицкий, я вас прошу — включите трансформатор. И ещё я думаю, что нужно немедленно поставить в известность академию. Вызывайте сюда референта, и пусть он предпримет все необходимые меры.

— Хорошо, — отвечал заведующий.

— Какие меры вы имеете в виду? — отреагировал сотрудник.

— Я имею в виду, молодой человек, меры безопасности. Этого вашего трансформатора здесь явно недостаточно. Необходимо создать мощное силовое поле для нейтрализации этого явления. Пока мы не знаем, с чем имеем дело, нужно быть предельно осторожными. Вы согласны со мной?

— Согласен, — ответил сотрудник после небольшой паузы. Видно было по лицу, что он вынашивает какую-то особенную мысль, но делиться с ней пока не захотел.

Профессор поднялся и, не прощаясь и ничего не говоря, вышел из лаборатории.

На следующий день состоялся расширенный учёный совет института. Конференц-зал не смог вместить всех желающих присутствовать на этом историческом заседании. Семьдесят докторов и кандидатов наук, среди которых были учёные с мировым именем, с напряжённым вниманием выслушали до неприличия краткий доклад руководителя института о необычном феномене. Совсем уж невразумительно говорил заведующий лабораторией, откровенно волновавшийся

и путавшийся в элементарных понятиях. Немного разрядил обстановку научный сотрудник, непосредственно выполнявший злополучный эксперимент. Нимало не смущаясь, так, будто он рассказывал приятелю обычную историю, он поведал учёной братии о том, как настраивал лазерные установки, как монтировал силовые обмотки магнитного улавливателя. обстоятельно описал все свои действия и, наконец, подошёл к самому главному — тому моменту, когда он обесточил все три лазера и обнаружил наличие спонтанной реакции неведомой природы.

Члены учёного совета уже побывали в лаборатории и вдоволь насмотрелись на волшебную искорку. Про то, что искорка не реагирует на магнитное поле, что накануне отключался магнитный улавливатель, члены совета ещё не знали. Не то чтобы этот факт хотели от них скрыть, а просто никто не задал соответствующего вопроса. Да и зачем волновать людей раньше времени?

Вопросы к докладчику посыпались один за другим. Учёных интересовало всё: частота излучения каждого лазера, точные углы их расположения, напряжённость электромагнитного поля, степень поляризации светового пучка, параметры интерференционной решётки, её объём и потребляемая энергия. Также всех интересовало, идёт ли реакция с поглощением или с выделением энергии, что показывает спектральный анализ и нет ли признаков ядерного магнитного резонанса. Все необычайно возбудились, и всем было ясно, что никто ничего толком не понимает. И никто так и не решился задать главный вопрос: что за субстанцию они наблюдают?

— Над чем вы сейчас работаете? — наконец спросил кто-то.

Молодой сотрудник с видимым облегчением стал объяснять стоявшую перед лабораторией задачу:

— Наша лаборатория занимается поиском новых носителей информации. Вы знаете, что до сих пор информацию записывали на материальном носителе, сначала на плоскости, затем в объёме. Последние наши разработки дали превосходные результаты. Кристаллы объёмом в один кубический миллиметр позволяют записывать до тысячи терабайт информации, и это не предел. Но вы также знаете, что работать с кристаллами очень неудобно — это весьма хрупкий и недолговечный материал. И вот мы решили попробовать записывать информацию, так сказать, прямо на воздух. То есть нет, вы не так поняли, — остановил он жестом поднимающийся ропот. — Есть новая методика, а я её автор, если это вам интересно. Всё дело в том, что при наложении друг на друга нескольких источников когерентного излучения в пространстве образуется устойчивая трёхмерная структура — такая структура, которая позволяет записывать в себя практически бесконечные объёмы информации. Меняя длину волны и конфигурацию лучей, мы получаем сколь угодно большие вариативные структуры, обладающие долговременной памятью. Над созданием таких структур и работала наша лаборатория.

С минуту в зале сохранялась тишина. Кто-то понял смысл сказанного, а кто-то и не хотел ничего понимать. Какие-то структуры, какая-то память. При чём тут память, когда речь идёт о новой форме вещества?

— Это всё очень интересно, — заговорил с дальних рядов седой старик, известный академик, автор бесчисленного числа монографий и пухлых книг, член высшего экспертного совета. — Но я был бы вам очень признателен, если бы вы объяснили высокому собранию, что вы собираетесь дальше делать с вашим открытием. Есть ли в нём практическая польза? Если да, то какая?

Все невольно заулыбались. Этот свой вопрос, в той или иной вариации, акаде-

мик задавал каждому докладчику, не важно, была ли это защита докторской диссертации, или происходило рядовое обсуждение какой-нибудь проблемы. Но между прочим, он попал в самую точку. Раньше всех это понял сам докладчик. Они как раз для этого собрались: чтобы выработать дальнейшую стратегию. Извлечь максимальную пользу из открытия, не подвергая при этом опасности подлунный мир. В этом смысле значение собрания трудно было переоценить. Но как раз в этом смысле никто до сих пор не предложил ничего дельного. И, судя по всему, не собирался предлагать. Впрочем, так было всегда: тот, кто заварил кашу, должен был её расхлебать. Все эти обсуждения и советы проводились больше для успокоения совести. Решения обычно принимал сам исследователь. Остальные одобряли или возмущались — это уже не имело значения. Вот и на этот раз все ждали, что скажет автор открытия — молодой человек в помятом пиджаке с полубезумными глазами за толстыми стёклами очков. Каким-то шестым чувством понимали, что перед ними новое светило, с которым они очень скоро вынуждены будут считаться. Вот и пусть хлебнёт ответственности по полной программе. А они посмотрят, как ему это понравится. Открывать да изучать каждый может. А вот ты попробуй организуешь да объясни, да выведи из всего этого ясно различимый толк! Учёное собрание ждало решительного заявления от молодого учёного. Его начальники в этот момент не пришли ему на помощь, справедливо решив, что тот управится один.

Так оно и вышло. Докладчик будто ждал этого вопроса, сразу заговорил напористо, живо.

— Очень хороший вопрос! — заявил он, подавшись вперёд. — Я предлагаю пока ничего не предпринимать, то есть не предпринимать ничего особенного. У нас есть отработанная технология записи информации на пространственную волновую решётку. Мы сейчас получили, в принципе, обычную интерференционную картину, вся особенность которой состоит в её автономности, независимости от внешних источников энергии. Необходимо заняться изучением параметров новообразования. Если в ближайшее время оно не распадётся само по себе, тогда, быть может, и понадобятся специальные меры.

— А какие меры могут потребоваться для ликвидации этого новообразования? — последовал очередной вопрос.

— Может, никаких мер и не потребуется. А может быть, экстраординарные! Это пока что неизвестно, — без колебаний ответил учёный. — Давайте подождём. Пока ещё ничего страшного не произошло.

Докладчика, наконец, отпустили с трибуны. Его выступление если и успокоило учёный коллектив, то не надолго. Главные вопросы остались без ответа. В опасность эксперимента никто по-настоящему не верил. Реакция шла без выделения энергии, вообще без каких-либо излучений. Странно, конечно, но и не опасно. Что касается дополнительных исследований, то они, безусловно, необходимы — с этим никто и не спорил.

В заключение было решено сделать сообщение в печати о новом научном открытии, а через неделю собраться для обсуждения хода исследований. С чувством выполненного долга учёная братия покинула зал заседаний. И это был вполне закономерный итог дискуссии: никто не захотел взять на себя инициативу в столь странном деле. Директор института остался недоволен. Заведующий лабораторией также не испытывал восторга. И только молодой сотрудник радовался неизвестно чему. Прямо с трибуны он отправился в свою лабораторию и приступил к

экспериментам. Для начала он запустил процедуру глубокого сканирования пространства вокруг новообразования. Сканирование не показало ничего необычного, кроме самой малости: в центре пространства образовалась так называемая сингулярность, свойства которой были абсолютно неизвестны. Ничего нельзя было сказать ни о магнитной составляющей, ни о дивергенции всех известных науке полей, ни о плотности вещества, ни даже о его температуре. Светится точка — вот и вся информация. Ни пощупать, ни попробовать на зуб. Убедившись в этом, учёный сразу отбросил все попытки разобраться в этом феномене. Вместо этого он стал делать то, ради чего и затевался эксперимент: с помощью сканирующего луча начал передавать внутрь новообразования потоки информации. Это была чисто условная программа, целью которой была оценка ёмкости полученной структуры. Обычно насыщение наступало при значениях порядка миллиона терабайт. Но на этот раз ничего подобного не произошло. Записывающий луч, высверкивая жутким багровым цветом, словно в бездну проваливал внутрь огромные числовые массивы. Счёт уже шёл на миллиарды терабайт, то есть превысил обычный объём в тысячу раз, но абсолютно ничего в проекционной картине не менялось. Учёный смотрел на экран монитора и видел, что ежесекундная обратная связь — обязательная процедура самопроверки записи — бесстрастно показывает: посылаемая информация записывается на некий носитель и в любой момент может быть извлечена обратно! Уже закончились все отладочные программы, а точка всё поглощала и поглощала мириады бит, цвет её не менялся, и ничто не указывало на изменение её внутренней структуры. Заведующий лабораторией стоял за спиной и наблюдал за происходящим. Он всё отлично понимал. Это был прорыв — прорыв, о котором он мечтал много лет. Но радости он не испытывал. Ревность ли к чужому успеху была тому виной, или что-нибудь другое, но он стоял с мрачным видом, опустив подбородок на грудь, и о чём-то напряжённо размышлял. Ему представлялось, что он находится в тёмной комнате и должен найти выход. Страшно удариться о невидимый предмет, но и нельзя стоять на месте. Кружится голова, в груди пробегает лёгкий холодок. Нужно на что-то решиться. Кажется, выход — вот он, рядом. Но страшно сделать шаг.

Молодой учёный, на миг оглянувшись, увидел сумрачное лицо своего руководителя и поразился этой невысказанной внутренней борьбе. Он всё понял в один миг. Никто ему ни в чём не поможет. Могут лишь помешать. Вся ответственность за последствия ложится на него одного. Что ж... Он откинулся на спинку кресла и задумался. Уже ясно было, что возникшая в пространстве сингулярность практически бездонна по своей ёмкости. Механическую запись информации можно было не продолжать — тут требовалось что-то иное, принципиально иное. Но что? Какие-то смутные мысли проносились в сознании, нечто невысказанное томил его. Он чувствовал, что находится на пороге грандиозного открытия. Но в чём оно заключается? Что он должен сделать, вот прямо сейчас, пока эксперимент не остановили?

Придвинув к себе клавиатуру компьютера, начал машинально раскрывать один за другим разделы с информацией. Программы записи, отладка, базы данных, экспертные системы, искусственный интеллект... Стоп! Искусственный интеллект. А что если загрузить в сингулярность какую-нибудь самообучающуюся программу? Чтобы она сама находила для себя данные и формировала свою структуру? Да, это было бы неплохо. Вот только будет ли работать эта программа там? А впрочем, почему не попробовать? Он ещё не осознал толком, что делает, а руки уже бега-

ли по клавиатуре. Вот уже задан управляющий алгоритм и, пока заведующий не успел опомниться, самообучающаяся программа отправлена на излучатель. Цвет луча сразу изменился, стал насыщеннее, гуще. Несколько секунд — и трансляция закончилась! Даже удивительно, до чего компактны и просты все эти самообучающиеся программы. Наверное, так же просты были простейшие микроорганизмы на Земле, с которых началась эволюция — все эти инфузории и одноклеточные. Кто бы мог подумать, что через миллионы лет из них образуется современный мир во всей его бесконечной сложности и непостижимости.

— Решили поэкспериментировать? — спросил заведующий из-за спины.

— А почему бы и нет? — в тон ему ответил сотрудник. — Вы же видите, что информационная ёмкость этой штуки бесконечно велика. Что толку записывать в неё все наши базы. К тому же вряд ли мы сможем когда-нибудь повторить этот эксперимент. Хотя бы попробуем прощупать эту штуку изнутри.

Заведующий лишь хмыкнул. Он отдавал должное находчивости своего нового сотрудника. Возразить было нечего, но возразить что-то надо было. А иначе пострадает его репутация. Она уже пострадала, и весьма основательно.

— Ну а дальше что вы будете делать? — спросил он с плохо скрываемым раздражением.

— Чего вы все заладили: что дальше, да что дальше! — вскинулся вдруг сотрудник. — Увидим, что будет дальше. Вот завтра приедем на работу и увидим. Тогда и будем говорить.

Заведующий кусал с досады губы. В таком тоне с ним ещё не разговаривали. Но нужно было соблюдать достоинство. Всё-таки он уже не мальчик. И ещё он понял, что чем бы ни закончилась эта история, ему придётся уволиться из этой лаборатории. Мало, что ли, других лабораторий и не исследованных тем? Хлопнув дверью, он вышел вон. Исследователь остался один. Собственно, он этого и добивался.

Следующим его шагом стало подключение передающей установки напрямую к базам данных института. Это было серьёзным нарушением правил проведения исследовательских работ, но и случай выдался из ряда вон. Исследователь рассудил, что за ночь компьютер, если понадобится, передаст в точку сингулярности уйму информации. Её характер будет зависеть от активности самообучающейся программы — если, конечно, такая активность проявится. Настроив оборудование, исследователь надел свой поношенный плащ, нахлобучил на голову мятый берет и, выйдя в коридор, замкнул на два оборота входную дверь, а замок опечатал своей личной печатью. При этом он не стал сдавать ключи дежурному, наказав тому, чтобы тот ни под каким видом не приближался к лаборатории и ни в коем случае никого туда не пускал.

Когда на следующее утро исследователь зашёл в лабораторию, первое, что он увидел, это светящийся шар размером с теннисный мяч. Он висел в тридцати сантиметрах над поверхностью стола. Передающий луч также изменился — стал гораздо толще и ярче. В полнейшей тишине шар парил в пустоте, а на его поверхности происходила причудливая игра разноцветных бликов; огненно-красный луч слегка вибрировал, словно бы от напряжения проходящих через него потоков. Это было против всех известных законов физики, и впервые исследователь почувствовал нечто вроде неуверенности. Подойдя к лазерной установке, он обнаружил, что она работает на пределе нагрузки. Мощность передающего луча превышала все мыслимые значения, так что можно было подумать, что тот транслирует обычную

энергию внутрь шара. Когда же исследователь попытался выключить лазер, это ему не удалось. Сначала он подумал, что это простое замыкание проводки внутри устройства, но когда дошло до общего рубильника, когда он своими руками вынул предохранители из всех шести энергетических контуров, а луч лазера всё светился красным светом, всё пронизывал парящий в воздухе шар, ему стало не по себе. Реакция стала полностью неуправляемой. Источник энергии, и это было очевидно, находился теперь внутри светящегося шара. Теперь уже он подпитывал и лазерную установку, и компьютер, и базы данных центрального вычислителя; образованная накануне цепь не желала распадаться и работала наперекор всему.

Будь на месте исследователя нормальный человек, он поднял бы тревогу, оповестил руководство и спас весь мир от неведомой угрозы. Но исследователь был не таков. В самом деле, непосредственной угрозы пока что не было, и он невозмутимо уселся за сканирующую установку, решив проверить, что стало с самообучающейся программой и каковы объёмы переданной внутрь шара информации. Запустив программу сканирования, он стал ждать результатов. Примерно через час он убедился, что вся записанная информация цела, более того, судя по характеру ответной реакции, внутри шара образовалось нечто вроде искусственного интеллекта. Это был род компьютера, умеющего решать задачи и находить по запросу нужную информацию. Одного лишь не мог добиться исследователь, чтобы шар ответил на прямо поставленный вопрос. Его интересовало то же, что и всех остальных: что за субстанция перед ним находится? Но все прямые обращения и задания о самоидентификации оставались без ответа. Шар на такие запросы никак не реагировал. Попытки исследовать физическую природу его внутренней субстанции также ни к чему не привели. То, что внутри него происходят некие процессы, было очевидно. Спектрограф выдавал постоянно меняющуюся и весьма причудливую картину частот излучения, при этом все они находились в сверхвысоких диапазонах, из чего неизбежно следовало, что процессы происходят на субатомном уровне, а может быть, и ещё глубже.

Собственно говоря, на этом эксперимент можно было считать законченным. Всю имеющуюся в наличии информацию исследователь скопировал внутрь шара и окончательно убедился в его неограниченных ресурсах. Теперь следовало зафиксировать исходные данные для повторения эксперимента в новых, более масштабных условиях. Но для этого нужно было закончить этот. А сделать это, судя по всему, будет непросто.

Часом позже в кабинете директора института состоялось рабочее совещание с участием ведущих специалистов. Молодой учёный коротко изложил полученные за последние сутки результаты и высказал предположение о возможном прекращении эксперимента. Все с ним охотно согласились, однако никто не знал, как это сделать. Все понимали, что своими силами не обойтись, но и не хотелось признаваться в собственном бессилии. Размеренное течение жизни института было нарушено чем-то не поддающимся объяснению, и хотя явление и находилось в русле исследований и тайных мечтаний, оно больше пугало, чем притягивало. Страстная жажда новизны и парализующий страх перед неизведанным странно мешаются в человеческой природе. Отчётливей всего это проявляется у тех, кто находится на переднем крае науки. Но в самой своей основе окружающего нас мира нет ничего такого, что может повредить человеку в частности и эволюции вообще. Всё, что происходит, — происходит в рамках эволюционного процесса — мощного неуправляемого потока, который несёт всех нас в неведомые дали, а пра-

вильней сказать, возносит к вершинам духа. Путь этот неровен и подчас опасен. Главная опасность заключается в том, что время от времени человек уклоняется от естественного развития и забредает в некие закоулки, из которых ему придется потом выбираться, зачастую с немалыми потерями. Но любое фундаментальное открытие, как бы ни было оно ужасно и непонятно, приближает нас к цели, позволяет лучше понять окружающий мир и его законы, овладеть этими законами и поставить их себе на службу. Это позволяет нам максимально самореализоваться, сделаться всемогущими, полнее жить! Всё это смутно чувствовал про себя молодой исследователь, но ясно выразить не мог, а потому больше отмалчивался, опустив голову и ни на кого не глядя. Он знал одно — открытие должно стать достоянием всего человечества. Остальные мыслили не столь широко, они видели в событиях лишь угрозу размеренному быту, заботились о невыгодном впечатлении, которое произведут на учёный мир, выдавая свою трусость за мудрость и взвешенность. Итогом заседания стало вполне закономерное решение: немедленно прекратить эксперимент, а неведомую субстанцию уничтожить. О её странной природе и удивительных возможностях никто уже не вспоминал. Страх оказался сильнее.

Однако, в иные моменты сама природа восстаёт против глупости и абсурдности человеческих поступков. При этом действует некий механизм самозащиты, и новое явление продолжает существовать вопреки искусственным запретам и ограничениям. Сама жизнь являет собой ярчайший пример подобной самодостаточности и преодоления окружающего хаоса силой своего напора и внутренней самоорганизации. И ещё один феномен проявился с предельной и обескураживающей наглядностью. Речь об этом феномене впереди. А пока проследим дальнейшие события. После того, как решение о ликвидации новообразования было официально утверждено, последовал ряд шагов соответствующего направления. Успеха они, конечно же, не принесли, но в решительности исполнителям не откажешь. Подтвердилась известная истина: ломать — не строить.

Для начала разобрали установку и отключили все силовые кабели в лаборатории. Затем пришлось вынуть из разъёмов провода, питающие центральную ЭВМ и базы данных. Когда и это не помогло, стали разбирать на составные части аппаратуру и вывозить её из института. А шар неведомой природы всё висел в пустоте; поверхность его сделалась мутно-серой, как будто смотришь на бурлящую планету из космоса — поверхность её затянута плотным облачным покровом, который словно войлок обволакивает её и не позволяет увидеть, что там происходит. Наконец, вынесли все лазерные установки, в том числе ту, которая подпитывала энергией неизвестную субстанцию. Лазерный луч как бы нехотя погас, и мутно-серый шар остался в полном одиночестве. Ничто больше не связывало его с внешним миром, а он всё парил над столом, всё так же по его поверхности изредка пробегала волна, и весь он подрагивал. Кроме этого, шар стал увеличиваться, теперь он был уже размером с волейбольный мяч. Силовое поле не могло его удержать. Сканирующий луч тонул в нём, словно в бездне. Шар замкнулся в самом себе, и уже нельзя было понять, что происходит внутри него.

Все работы в институте были приостановлены, персонал эвакуирован, а само здание оцеплено по периметру оградительными щитами. Коммуникации были обрезаны, и подумывали уже о локальном термоядерном взрыве. Когда человек берётся за дело, он идёт до конца, чего бы это ему ни стоило. Но сначала были испробованы более щадящие меры: шар пытались испепелить мощным лазером —

безрезультатно. Плющили его сумасшедшими магнитными полями — и к этому шарик остался равнодушен. Выстрелили в него струёй жидкого азота — азот прошёл его насквозь, ничего не изменив.

На третьи сутки диаметр шара достиг полуметра, а цвет сделался аспидно-чёрным. В самом городе начались странные явления. И если участвовавшие аварии на дорогах можно приписать случайности, если увеличившееся количество психических расстройств также можно объяснить обычными причинами, то никакого объяснения не было у вдруг открывшегося довольно жуткого обстоятельства, а именно: в городе резко упала рождаемость, а всех без исключения молодых женщин поразила неспособность зачать новую жизнь. Нарушился тончайший баланс, сбился древнейший природный механизм. В городе уже знали о жутком шаре, происхождение которого было приписано козням дьявола. И за пределами города о шаре тоже знали — событие принимало грозные очертания общенациональной катастрофы.

К делу подключили экстрасенсов. Те запускали в шар невидимые флюиды, стараясь подавить его активность или вывести нечто такое, что помогло бы избавиться от него. Шар в ответ рос как на дрожжах. Каждое такое воздействие словно подпитывало его энергию, заставляя увеличиваться в объёме. А после того как внутрь шара направили микроскопическое устройство и устроили внутри него термоядерный взрыв, шар резко увеличил свои размеры и накрыл собой огромное здание института целиком. С этого момента в городе началась настоящая паника. Люди бежали из города, навстречу им следовали колонны с военными и спасателями. Мегалополис превратился в огромный плацдарм, на котором готовилась крупномасштабная операция. Изредка раздавались осторожные голоса, заявлявшие, что со злом бесполезно бороться его же методами. Агрессия порождает лишь агрессию. Но этих немногих людей обозвали безмозглыми пацифистами и не стали их слушать.

В дело вступила тяжёлая артиллерия. Шар расстреливали ракетами, бомбили с воздуха и жгли напалмом. Одновременно с этим всю страну охватила эпидемия бесплодия. Забеспокоилось международное сообщество, справедливо полагая, что если так дальше пойдёт, то остальному миру тоже несдобровать. А шар всё рос и рос. Верхушка его уже утопала в облаках, а нижняя часть скрывалась глубоко под землёй. Он всё так же был непроницаем для взора и имел землисто-грязный цвет. Его больше не пытались исследовать с помощью хитроумных приспособлений. Всем и всё было предельно ясно. Шар должен быть уничтожен любой ценой. А иначе всем смерть. Вопрос был поставлен привычно и привычными методами решался. И неизвестно, до чего бы дошло дело, если бы не тот самый сотрудник, который всю эту кашу заварил. В какой-то миг душевного просветления он понял, что ему следует сделать. Катастрофа была близка, но катастрофы можно было избежать.

У сотрудника была маленькая дочь, которую он воспитывал один. Дочери было пять лет, и это было воздушное, почти что неземное существо. Однажды вечером он опустился перед ней на колени и сказал проникновенным голосом:

— Дорогая моя! Доченька! Если папа тебя очень попросит, ты выполнишь его просьбу?

Девочка широко раскрыла свои серые глаза и посмотрела на отца взглядом ангела. Без слов было ясно, что дочь сделает всё, о чём её ни попросят.

Вдвоём они вышли из дома и направились к институту. В одной руке у сотрудника был небольших размеров чемоданчик, а другой он крепко держал за руку

свою дочь, которая доверилась ему и ничего не боялась — ни этой ночи, ни того, что весь город словно вымер. Беззаботно смотрела она на тёмные окна брошенных домов, на остановившиеся автомобили, на мусор, который уже несколько дней никто не убирал. Отец шёл молча, опустив голову и о чём-то напряжённо думая. Он боялся, что их остановит патруль, и тогда всё сорвётся.

Злополучный институт был окружён тройным кольцом патрулей, ближе, чем на километр, к нему невозможно было подойти. Но у сотрудника уже имелся план действий. Папа и дочь, крадучись, зашли в подъезд двадцатипятиэтажного дома и стали подниматься по ступенькам на самый верх. Лифт не работал, освещения не было, самих жителей в доме не осталось. Целых десять минут, то и дело отдыхая и переводя дух, они взбирались по каменным ступенькам, усыпанным извёсткой и битым кирпичом. С последней площадки на чердак вела вертикальная лестница, и это препятствие оказалось самым сложным. Отцу пришлось сначала поднять на чердак свой чемоданчик, а затем вернуться и, бережно прижимая одной рукой дочь к себе, подняться вместе с ней наверх. Затем они долго плутали между каких-то балок и скошенных углов, запинаясь в темноте о разные предметы, пока не оказались перед нужным выходом. Поставив чемоданчик на землю, мужчина снял крючок с петли и открыл деревянную дверцу. Холодный воздух дохнул ему в лицо, зашелестели звуки; замерев, он всматривался в темноту, туда, где, по его расчётам, должен был находиться шар. Его шар! В какой-то момент выглянула луна, мужчина радостно вскрикнул и показал вдаль рукой.

— Вот он!

— Что там, папа, покажи! Ну покажи, я хочу посмотреть! — заголосила дочь.

— Сейчас, погоди немного. Всё увидишь, — заторопился отец. — Я сперва раскрою свой чемоданчик, и мы сыграем с тобой в одну игру. Хорошо?

Девочка захлопала в ладоши.

— Да, да! Хочу в игру!

— Ты не будешь бояться?

— Нет, я не боюсь. Ну, папа, скорее!

Отец склонился над своим чемоданчиком. На дне его притаился проекционный излучатель — обычный лазер с подключённой к нему сканирующей установкой. Всё миниатюрное, с автономным питанием, но вполне работоспособное. Отец вытащил из чемодана всё оборудование и расставил по местам. Похожий на маленький телескоп лазер установил перед раскрытой дверцей, рядом с ним поставил сканирующую установку, а металлический шлем осторожно надел на голову своей дочери. Несколько минут ушло на настройку электроники. Девочка тихо стояла рядом и смотрела, как отец подсоединяет провода и крутит пластмассовые ручки настройки. Затем он выпрямился и в рассеянном лунном свете посмотрел в лицо своей дочери. Внутри него прокатилась волна нежности, он почувствовал в этот миг, что, не колеблясь, отдал бы за неё жизнь.

— Доченька моя, — заговорил слабым от волнения голосом. — Я тебя попрошу, только осторожно... посмотри во-он туда. — Он повернулся к распахнутому окошку и простёр руку в темноту.

Девочка сделала шаг, привстала на цыпочки, вытянула головку.

— Пап, а что там?

— Там такая огромная гора. Вся тёмная, почти до неба. Посмотри внимательно.

Девочка снова присмотрелась.

— Да, я вижу. Такая большая... — она невольно понизила голос. — Что это?

— Не бойся, доченька, это такой воздушный шарик. Мы его надули, вот он и вырос большой-пребольшой.

Девочка захлопала в ладони.

— Пойдём к нему. Я хочу посмотреть!

— Хорошо-хорошо, — закивал отец. — Я только включу на минутку свой прибор, а ты просто смотри на этот шарик и больше ничего. Ладно?

— Ладно. Только поскорее!

Он ещё хотел что-то сказать, но пересилил себя и опять склонился над прибором. Поднял на секунду голову.

— Готова?

— Да.

— Включаю.

И он повернул до упора красный тумблер на передней панели. Зелёный огонёк рядом с его рукой вспыхнул и засиял ровным изумрудным светом. Несколько секунд он слышал лишь своё дыхание. Боялся повернуть голову, чтобы не испугать дочь. Так и сидел, согнувшись, возле своего прибора. А дочка с обручем на голове стояла рядом и смотрела в ночную тьму. На лице её была тихая радость, и глаза лучились несказанной нежностью и добротой...

Этой же ночью, когда город погрузился в тяжёлый, полный мрачных предчувствий сон, — чёрный огромный шар дрогнул, словно очнувшись от долгой спячки, по поверхности его побежала зыбь, откуда-то возник и тут же угас низкий дребезжащий звук, очень неприятный и пронизывающий; шар словно бы качнулся и стал вдруг подниматься вверх. Медленно, сантиметр за сантиметром он выползал из земли, бесшумно уходя ввысь, в темнеющее небо. Никто ничего не заметил. Перекрёстные лучи прожекторов безучастно скользили по его поверхности, но ничего нельзя было разобрать в этой игре света и теней.

Через четверть часа шар полностью вышел из земли и, не замедляя ход, устремился вверх. Скорость его неуклонно возрастала. Через минуту он уже был над крышей института, потом поднялся за облака и ушёл в стратосферу. Ни один прибор на всей Земле не зафиксировал этот необычный полёт. Шар по-прежнему оставался для людей непостижимым явлением — явлением, так и не пожелавшим открыть свою тайну. Когда на следующий день выяснилось, что страшный шар исчез, все с облегчением вздохнули. Быть может, человечество избежало очередной катастрофы. А может быть, прошло мимо эпохального открытия. Никто этого так и не узнал.

Жизнь вошла в свою колею. Люди вернулись обратно в город, в институт информационных технологий завезли оборудование, и всё пошло по-прежнему. За исключением одного: старый директор института ушёл на пенсию, заведующий злополучной лабораторией также поспешил уволиться. И лишь странный сотрудник продолжал трудиться в своей лаборатории. Всё так же ходил в мятом пиджаке, не замечая никого вокруг. Тайну свою он берёт про себя. И даже дочь его стала забывать о странной ночи, когда она смотрела со страшной высоты на огромный чёрный шар, который казался ей добрым существом, таким же одиноким, как и она сама, — существом, для которого у целого мира не нашлось ни одного тёплого слова, и лишь она пожалела его и пожелала ему добра.

И этой малости оказалось ему довольно, чтобы простить этот мир за всё то зло, которое он ему причинил.